

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Марии СПАССКОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Роковой оберег Марины Цветаевой

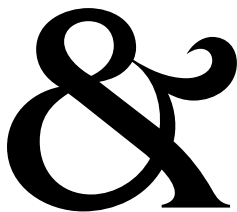
Кукла крымского мага

Безумный поклонник Бодлера

Черная луна Мессалины

Магическая трубка Конан Дойла

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

Магическая
трубка
Конан Дойла

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Художественное оформление *Н. Кудря*

Спасская, Мария.

С71 Магическая трубка Конан Дойла : [роман] /
Мария Спасская. — Москва : Эксмо, 2015. —
320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-82621-6

Артур Конан Дойл привез из Африки терракотовую трубку в форме головы льва с чубуком из красного дерева. С ее помощью якобы можно было выходить из физического тела и перемещаться в мире духов. Вскоре после этого сэр Артур не на шутку увлекся спиритизмом... Лиза очнулась в больнице курортного городка и сразу все вспомнила: нужно спасти сына, взятого в заложники ее любовником. Толику срочно понадобились деньги, и он не нашел ничего лучшего, чем потребовать их у Лизы! Вчера она села на мотоцикл и отправилась за помощью к отцу, жившему неподалеку, но в волнении не справилась с управлением и угодила на больничную койку... Ночью, когда медсестра отлучилась на спиритический сеанс, проводимый известным медиумом в соседнем пансионате, Лиза выбралась из палаты и, стараясь не привлекать к себе внимания, решила все же добраться до дома отца. Проходя мимо пансионата, она встретила молодого человека со странной трубкой во рту. Он оказался студентом, путешествующим автостопом, и вызвался помочь Лизе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2015

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82621-6

ельфинья бухта. Наши дни. Лиза.

Высокий голос звучал успокаивающе.

— Вы напрасно волнуетесь, никуда она не уйдет. Она в коме.

Это я в коме и никуда не уйду. Насколько могу судить, наблюдая за окружающим сквозь смеженные ресницы, я лежу в отдельной больничной палате, куда попала после аварии. В голове до сих пор явственно крутится картинка, как я распахиваю тяжелые двери дома. Перепрыгивая через две ступеньки, сбегая по изогнутой подковой лестнице и бегу в гараж. С грохотом поднимаю опущенные жалюзи, хватаю с полки ключи, неумело сажусь в седло мотоцикла и, прижимая локтем к боку книгу, даю по газам. Подпрыгивая на красной брусчатке, которой вымощены дорожки, объезжаю пирамидальные тополя, стараясь не наезжать на газон, маневрирую между пихтами, вырুলывая со двора. И, оказавшись на узкой приморской улочке, ведущей к бульвару, виляю рулем, стараясь объехать помеху. И врезаюсь в торговку чурчелой. Перед глазами мелькают ее пестрый платок, расширенные зрачки, перекошенный кричащий рот, но крика я не слышу.

Эта сухая, как саксаул, тетка из местных каждый день раскладывает свой немудреный товар на ящике у высокого каменного забора, окружающего наш дом, и усаживается рядом в тени на брезентовом стуле. В принципе мы с мужем не возражаем. Пусть торгует. «Кому она мешает?» — так сказал муж. Зачем он так сказал? Я снесла торговку мощным «БМВ», как кеглю в кегельбане. Правда, и сама, должно быть, пострадала, раз угодила в больницу. Вспышка боли, а потом провал, после которого я очнулась в больничной палате и увидела склонившееся надо мной смуглое девичье лицо с внимательными глазами цвета лесного ореха. Белый халат не оставляет сомнений, что это медсестра.

— Не думаю, что в ближайшие сутки ей станет лучше.

Сестра разговаривает с толстым полицейским, чернявым и раскосым. Она предполагает, что я никуда не уйду. Как же она ошибается!

— Знаю я этих столичных штучек! — сердито загудел полицейский с заметным местным выговором. — Поселились в особняках на побережье и думают, весь мир для них! Тетя Манана мне, как мать! Я не позволю этой богатой дряни, — кивок щекастой головы в мою сторону, — выйти сухой из воды! Не сомневаюсь, что за ней вот-вот прикатит ее папаша и увезет доченьку в столичную клинику. Вроде как на лечение. И тогда мы только ее и видели! А кто будет отвечать за увечья, полученные потерпевшей?

Все верно. Отец непременно заберет меня из этой дыры. Тихое местечко у моря под названием Дельфинья бухта славится курортными здравницами самой разной направленности и мягким морским климатом,

а вовсе не передовой медициной. Папа возглавляет крупный международный концерн, и для него не проблема заказать вертолет для моей транспортировки в столицу. Но раз я все еще здесь, значит, дела мои не так уж плохи, и в перелете нет особой необходимости.

Идея поселиться у моря принадлежит отцу. У него большое сердце, и пару лет назад папа построил дом в горной части поселка. И наша семья перебралась в Дельфинью бухту. Сначала мы жили все вместе. Затем родился Гоша, и когда у малыша диагностировали псориаз, мы с мужем принялись искать для себя жилище рядом с детским санаторием, специализирующимся на лечении кожных болезней. И набрали на этот дом, где теперь и обитаем.

Два века назад особняк с пристройками и обширной парковой зоной на самом берегу моря принадлежал какому-то графу, а советская власть его национализировала и открыла в графских владениях детский санаторий. Постепенно территория парка застраивалась новыми корпусами, которые все дальше и дальше удалялись от старого особняка, выполнявшего роль административного здания. Время шло, дом ветшал и приходил в негодность, и в один прекрасный момент администрацию перевели в новое помещение. Опустевший графский дом продолжал числиться на балансе санатория, хотя давно уже ни на что не был годен, и от него нужно было как-то избавляться. Либо сносить, либо продавать.

Так вот, когда мы стали наводить справки насчет покупки участка с домом на побережье, детская здравница предложила нам выкупить часть своей территории вместе со старым домом. Что мы и сделали.

За несколько месяцев строение отремонтировали, разбили на месте заросшего пруда бассейн и обнесли участок высоким кирпичным забором, сделав помимо калитки на территорию санатория еще два выхода. На узкую улочку, ведущую к набережной, и на пляж. Так мы без проблем в любой момент имеем возможность выбираться в город, ходить на море и посещать процедуры. К тому же из санатория нам приносят еду, и дважды в неделю приходит уборщица. Лечебные грязи буквально творят чудеса, делая покрытую болячками кожу моего мальчика шелковистой. Меня точно током ударило. Гоша! Господи, что же я здесь лежу? Мне срочно нужно взять у отца деньги, чтобы вернуть сына домой!

День начинался просто замечательно. Я даже подумать не могла, что он так страшно закончится. Гоша пропал после обеда. Я только что вернулась с пляжа и медленно шла от калитки через лужайку по направлению к дому, вытирая волосы полотенцем, когда увидела в бассейне плавающий собачий труп. Это был крохотный щенок, карликовый пудель Арчи, любимец Гошеньки. Вокруг беспомощно раскинувшего лапы песика расплывалось розовое пятно, делая голубую воду фиолетовой. На белом шезлонге, окрасив пластик красным, лежали перемазанные кровью ножницы.

Гоша не должен этого видеть. Я взяла сачок для удаления мусора с поверхности воды и выловила из бассейна несчастное животное. Неся Арчи на вытянутых руках, прошла по лужайке до сада и, свернув с засаженной абрикосовыми деревьями аллеи в каменистые отроги, ярусами скальных пород уходящие

ввысь, нашла подходящую расщелину и опустила туда тельце щенка, привалив могилку камнями. Торопливо вернулась к дому, бросила сачок и закричала, призывая няню:

— Марина!

Стоя против солнца, я смотрела на оштукатуренный желтый дом с двумя одноэтажными крыльями. Я всматривалась в его центральную двухэтажную часть с отливающими слюдой чисто вымытыми окнами. Двумя наверху, справа и слева от балкона, и двумя снизу, по обе стороны от высокой двустворчатой входной двери, к которой вела широкая лестница, подковой расходившаяся в обе стороны. Всматривалась до тех пор, пока на втором этаже не скрипнула балконная дверь и на балкон не вышла заспанная няня. Ее широкое доброе лицо со сна носило следы подушки, глаза непонимающе шурились на свет.

— Что такое, Лиза? — насторожилась она. — Что-то случилось?

— Марина, идите сюда!

Со своей маленькой головкой, узкими плечами и обширным задом Марина напоминала грушу. Застегивая на ходу цветастый халат, няня торопливо вышла из дома и устремила ко мне. И через пару минут уже стояла на краю бассейна и вертела в руках, рассматривая, окровавленные ножницы.

— Кто-то убил Арчи, — проговорила я. — И бросил в бассейн.

— Арчи? — переспросила перепуганная женщина. — Как Арчи? Он же был в детской...

От нехорошего предчувствия у меня потемнело в глазах.

— А Гоша? Он тоже в детской? — сдавленно пробормотала я, устремляясь к лестнице. Взбежав по ступеням, я распахнула дверь и пулей бросилась наверх, чтобы своими глазами убедиться, что с сыном все в порядке. Ворвавшись в детскую, безумным взглядом обвела пустую постель. Отброшенное одеяло в белом пододеяльнике комом лежало в углу, простыня сбилась к стене, а подушка еще хранила вмятину от его милой кудрявой головки. Просыпаясь, Гошка первым делом звал меня и, еще тепленький, перебирался ко мне на руки.

— Кто живет под потолком? — спрашивала я. И сама отвечала: — Гном.

И, слыша знакомые слова, сын улыбался смутной улыбкой. Это наши любимые стихи. Его и мои. Книга со стихами про гнома лежала у кровати. Прекрасное издание в переплете размером в половину ученической тетради. Значит, когда сын проснется и не обнаружит своей любимой книги, у него случится истерика. Я почти физически ощутила родной запах Гошки, запах мокрого со сна мышонка и внутренним взором увидела его влажные от слез щечки и приоткрытый в плаче рот.

— Где он? — не скрывая охватившей меня паники, рывком развернулась я к Марине.

Няня склонилась к детской постели так, что ее длинные тонкие волосы, точно водоросли, свесились вдоль круглого лица, и недоверчиво проговорила, словно не понимая абсурдность своего вопроса:

— Разве его нет в кроватке?

— Сами не видите?

— Лиза, клянусь, я не знаю, где Гоша, — бормотала перепуганная женщина. — Я его уложила и тоже прилегла у себя. Вы же знаете, мы с Гошей утром в

зоопарк ездили... С Гошенькой сложно, я очень устала, положила его, он заснул, и я заснула... Честно, не знаю, куда он мог деться.

Зато я знаю. Моего сына забрал Толик. Вчера он просил денег. Говорил, что если не достану полтора миллиона, меня ждут крупные неприятности, только я не поверила. А зря. Теперь Толик забрал Гошеньку. Под топло-извиняющееся бормотание няни я перетрясала постель малыша, словно надеялась, что он и в самом деле все еще здесь, только я его почему-то не вижу. Схватив одеяло, трянула его как следует и отбросила на пол. Затем ухватила подушку и швырнула ее поверх одеяла.

— Арчи с нами в детскую пришел, — теребя ворот халата, продолжала оправдываться няня, пока я остановившимся взглядом смотрела на сложенный пополам лист бумаги, на внутренней стороне которого просвечивала какая-то надпись. В висках стучало, перед глазами плыли радужные круги. Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я дрожащими руками развернула записку и, сосредоточившись, прочитала кое-как накарябанное: «Включи трубу!»

Это правда, я все время забываю про телефон. Да он мне и не нужен. С кем мне разговаривать? Мать и отец заходят, когда нужно, а до остальных мне дела нет. Аппарат привычно лежал в тумбочке разряженный под ноль, и я, подсоединив зарядное устройство, нажала клавишу включения.

— Арчи не лаял, я бы услышала, — заискивающе глядя на меня, выдохнула Марина, наблюдая, как я кладу в пепельницу записку, подхожу к камину, беру спички и, вынув одну, чиркаю о коробок, поджигаю бумагу.

Сигнал о поступлении новой эсэмэски вывел меня из задумчивости. Сообщение пришло с номера Анатолия. «Сделаешь, о чем говорили, получишь то, что ищешь».

Этой зимой Толик стал моим любовником. Я до сих пор не понимаю, как это случилось. Более нелепого поступка я не совершала за всю свою жизнь. Очень странно. Что это на меня нашло? Но об этом после. А пока деньги. Мой крохотный Гоша, до обморока боявшийся как будто вечно не бритого и пахнущего крепким мужским потом резкого Толика со спутанными, собранными в хвост буйными кудрями, долго не протянет в его компании. Да еще без любимой книги. Нужно срочно его забирать! А чтобы быстрее получить деньги, я решила добраться до дома отца на мотоцикле Алекса. Сегодня муж приезжает в Дельфинью бухту, и мне по вполне понятным причинам очень хотелось решить вопросы с любовником до его приезда. Вернув телефон в тумбочку, я повернулась к няне.

— Марина, все в порядке, — с трудом выдавила из себя я. — Гошу забрал мой папа. И Арчи он тоже забрал. А ножницы просто грязные. В краске.

— Ну как же он мог? Вот так! Никого не предупредив! — заохала женщина. — Я же волнуюсь!

— Он очень соскучился по Гошке, — буркнула я. — Идите домой, Марина. На сегодня вы свободны.

Няня неторопливо направилась в отведенную ей комнату, сменила халат на цветастый сарафан и, спустившись по лестнице, утицей выплыла из дома. Пересекла участок и скрылась за калиткой. И вот тогда я с книжкой под мышкой сбежала со ступенек вниз, выскочила из дома, вывела из гаража мотоцикл и, выехав на улицу, не справилась с управлением и сбила

старуху, продававшую чурчхелу. По факту наезда, похоже, возбудили уголовное дело, раз меня стережет полицейский. Но это ничего не значит. Я все равно при первой же возможности уйду из больницы, раздобуду денег и заберу моего мальчика.

Медицинская сестра поднялась со стула.

— Дело ваше, дядя Марат, сидите, если хотите. Стерегите нашу красавицу. — Девушка усмехнулась, направляясь к двустворчатым дверям палаты. И зачем они такие высокие? Точно сделаны специально для того, чтобы в них мог въехать конный всадник.

— В палате сидеть охренеешь, — пробурчал полицейский. — Я лучше телевизор в холле включу. Ты как, Виктория, не против? Ток-шоу с Владимиром Соловьевым скоро начнется. Люблю послушать. Умные люди приходят. Дискутируют.

— Включайте себе на здоровье, — махнула рукой сестра.

Она уже почти дошла до двери, но на секунду замешкалась, словно задумавшись, и вернулась к моей кровати, рядом с которой на освободившемся стуле уже пристроился полицейский.

— А скажите, дядя Марат, долго ваш Соловьев идет? — как бы невзначай поинтересовалась медсестра.

— Часа три обычно передача длится, — почесал нос толстяк.

Глаза Виктории возбужденно загорелись.

— А может, я выскочу ненадолго в «Чайку»? Я с Надеждой договорилась. Надя только что позвонила, сказала, что не сможет. А мне очень надо.

— На танцы, что ли? — подмигнул полицейский.

— Скажете тоже, — зарделась сестра. — Сегодня в санатории проводят спиритический сеанс. Мне обязательно нужно там присутствовать. Дядя Марат, умоляю, присмотрите за отделением, ладно? Если что случится, звоните мне на мобильник.

Полицейский запустил пятерню в густой ежик черных волос и, прищутив и без того узкие глаза, с иронией в голосе спросил:

— Виктория, ты же взрослый человек. Зачем веришь во всякую ерунду?

— Да я не то чтобы верю, — вспыхнула девушка, откидывая за спину толстую косу. — Просто любопытно.

— Любопытно ей. А не боишься привидений?

— Я же не одна, а с Катериной.

— Знаю я твою Катерину, — расплылся в улыбке мужчина, отчего лицо его стало похоже на японское божество коварства. — Бойкая девица. Несколько раз самостоятельно драки на танцах разнимала. Катерине нужно поднять вопрос, чтобы администрация санатория к окладу аниматора добавила ей полставки как сотруднице безопасности. Что-то я, Виктория, за тебя волнуюсь. Смотрите там! — погрозил он девушке пальцем. — С этой твоей боевой подругой дров не наломайте.

— Ну что вы, дядя Марат! — обрадовалась сестра, снова устремляясь к двери. — Можете не сомневаться. Я за Катюшкой присмотрю, чтобы в драки не лезла!

Англия, 1905 год

— Нет, мистер Дойль, вы как хотите, но так нельзя! — расхаживая с только что прочитанной рукописью по кабинету, горячился секретарь писателя — невысокий

чопорный брюнет с зачесанными на аккуратный пробор редкими волосами неопределенного цвета и тонким скептическим ртом под узкой полоской усов. От возмущения вены на его высоком лбу вздулись, а воротничок вздыбился острыми накрахмаленными углами к по-мальчишечьи оттопыренным ушам. — Над историческими романами вы, сэр Артур, работаете тщательно, скрупулезно сверяясь с многочисленными источниками. Для защиты безвинно оклеветанного Джорджа Эдалджи готовы рыть носом землю, собирая доказательства его непричастности к убийству лошади. А тут?

В сердцах он хлестко ударил ладонью.

— Рассказы о Холмсе вы пишете порой очень небрежно, отчего в них полно вопиющих ошибок и несообразностей!

Автор нашумевших историй о знаменитом сыщике оторвался от изучения карты военных действий, которую штудировал, собираясь переделать рассказ «Ветеран 1815 года» в одноактную пьесу, и с интересом осведомился:

— Каких, например, дорогой Альфред?

— В той местности, о которой вы пишете, — секретарь снова потряс исписанными листками, — совершенно точно нет железной дороги, а у вас на этом строится сюжет!

— Нет? Значит, я проложил, — большое круглое лицо Конан Дойла тронула едва заметная улыбка. Пышные пишичные усы дрогнули, и писатель кинул на негодующего секретаря насмешливый взгляд, призывая обернуть все в шутку. Но Альфред Вуд был неумолим.

— Нет уж, сэр Артур! Автор должен отвечать за каждое написанное слово! Вы предлагаете читателю